

СОДЕРЖАНИЕ

DAS VORSPIEL	17
1933	21
ЧЕЛОВЕК ЗА ШИРМОЙ	23

ЧАСТЬ I

НА ПУТИ В СУМРАЧНЫЙ ЛЕС

ГЛАВА 1	
СПАСИТЕЛЬНАЯ ДОЛЖНОСТЬ	29
ГЛАВА 2	
ВАКАНСИЯ В БЕРЛИНЕ	40
ГЛАВА 3	
ВЫБОР МАРТЫ	51
ГЛАВА 4	
СТРАХИ И СОМНЕНИЯ	56
ГЛАВА 5	
ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР В БЕРЛИНЕ	76

ЧАСТЬ II

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

ГЛАВА 6	
СОБЛАЗНЫ БЕРЛИНА	95
ГЛАВА 7	
НАЗРЕВАЮЩИЙ КОНФЛИКТ	107

ГЛАВА 8	
«ЗОВИТЕ МЕНЯ ПУТЦИ»	120
ГЛАВА 9	
«СМЕРТЬ ЕСТЬ СМЕРТЬ»	126
ГЛАВА 10	
ТИРГАРТЕНШТРАССЕ, 27А.....	139

ЧАСТЬ III

ЛЮЦИФЕР В САДУ

ГЛАВА 11	
СТРАННЫЕ СОЗДАНИЯ.....	151
ГЛАВА 12	
«И ТЫ, БРУТ!»	163
ГЛАВА 13	
МРАЧНАЯ ТАЙНА МАРТЫ.....	178
ГЛАВА 14	
«СМЕРТЬ БОРИСА».....	188
ГЛАВА 15	
«ЕВРЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА».....	199
ГЛАВА 16	
КОНФИДЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОСЬБА.....	204
ГЛАВА 17	
БЕГСТВО ЛЮЦИФЕРА.....	212
ГЛАВА 18	
ДРУЖЕСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ.....	222
ГЛАВА 19	
СВОДНИК.....	235

ЧАСТЬ IV

И У СКЕЛЕТОВ НОЮТ КОСТИ

ГЛАВА 20	
ПОЦЕЛУЙ ФЮРЕРА.....	239
ГЛАВА 21	
ПРОБЛЕМЫ С ДЖОРДЖЕМ.....	248

ГЛАВА 22	
СВИДЕТЕЛЬ В САПОГАХ ДЛЯ ВЕРХОВОЙ ЕЗДЫ.....	257
ГЛАВА 23	
ВТОРАЯ СМЕРТЬ БОРИСА.....	264
ГЛАВА 24	
КАК ВЫИГРАТЬ ВЫБОРЫ.....	266
ГЛАВА 25	
ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ БОРИСА.....	271
ГЛАВА 26	
«МАЛЕНЬКИЙ ПРЕСС-БАЛ».....	278
ГЛАВА 27	
«О TANNENBAUM!».....	292
1934	309

ЧАСТЬ V

ДУРНЫЕ ПРЕДЧУВСТВИЯ

ГЛАВА 28	
ЯНВАРЬ 1934 Г.	313
ГЛАВА 29	
ОБМЕН ЛЮБЕЗНОСТЯМИ.....	323
ГЛАВА 30	
ПРЕДЧУВСТВИЕ БЕДЫ.....	326
ГЛАВА 31	
НОЧНЫЕ СТРАХИ.....	333
ГЛАВА 32	
НАДВИГАЕТСЯ ШТОРМ.....	341
ГЛАВА 33	
МЕМОРАНДУМ О БЕСЕДЕ С ГИТЛЕРОМ.....	344
ГЛАВА 34	
ДИЛЬС НАПУТАН.....	361
ГЛАВА 35	
ВЫЗОВ «ОЧЕНЬ ПРЕСТИЖНОМУ КЛУБУ».....	365
ГЛАВА 36	
СПАСАЯ ПОЛКОВНИКА ДИЛЬСА.....	371

ГЛАВА 37	
НЕДРЕМАННОЕ ОКО	378
ГЛАВА 38	
ОДУРАЧЕННЫЙ.....	379

ЧАСТЬ VI

СУМЕРКИ БЕРЛИНА

ГЛАВА 39	
ОПАСНЫЕ ТРАПЕЗЫ.....	389
ГЛАВА 40	
ПУТЬ ПИСАТЕЛЯ.....	397
ГЛАВА 41	
НЕПРИЯТНОСТИ У СОСЕДЕЙ	408
ГЛАВА 42	
ИГРУШКИ ГЕРМАНА	410
ГЛАВА 43	
ПИГМЕЙ ГОВОРИТ!.....	416
ГЛАВА 44	
ПОСЛАНИЕ, ОСТАВЛЕННОЕ В ВАННОЙ.....	426
ГЛАВА 45	
СТРАДАНИЯ МИССИС ЧЕРРУТИ.....	428
ГЛАВА 46	
ВЕЧЕР ПЯТНИЦЫ И НОЧЬ НА СУББОТУ.....	435

ЧАСТЬ VII

КОГДА ВСЁ ИЗМЕНИЛОСЬ

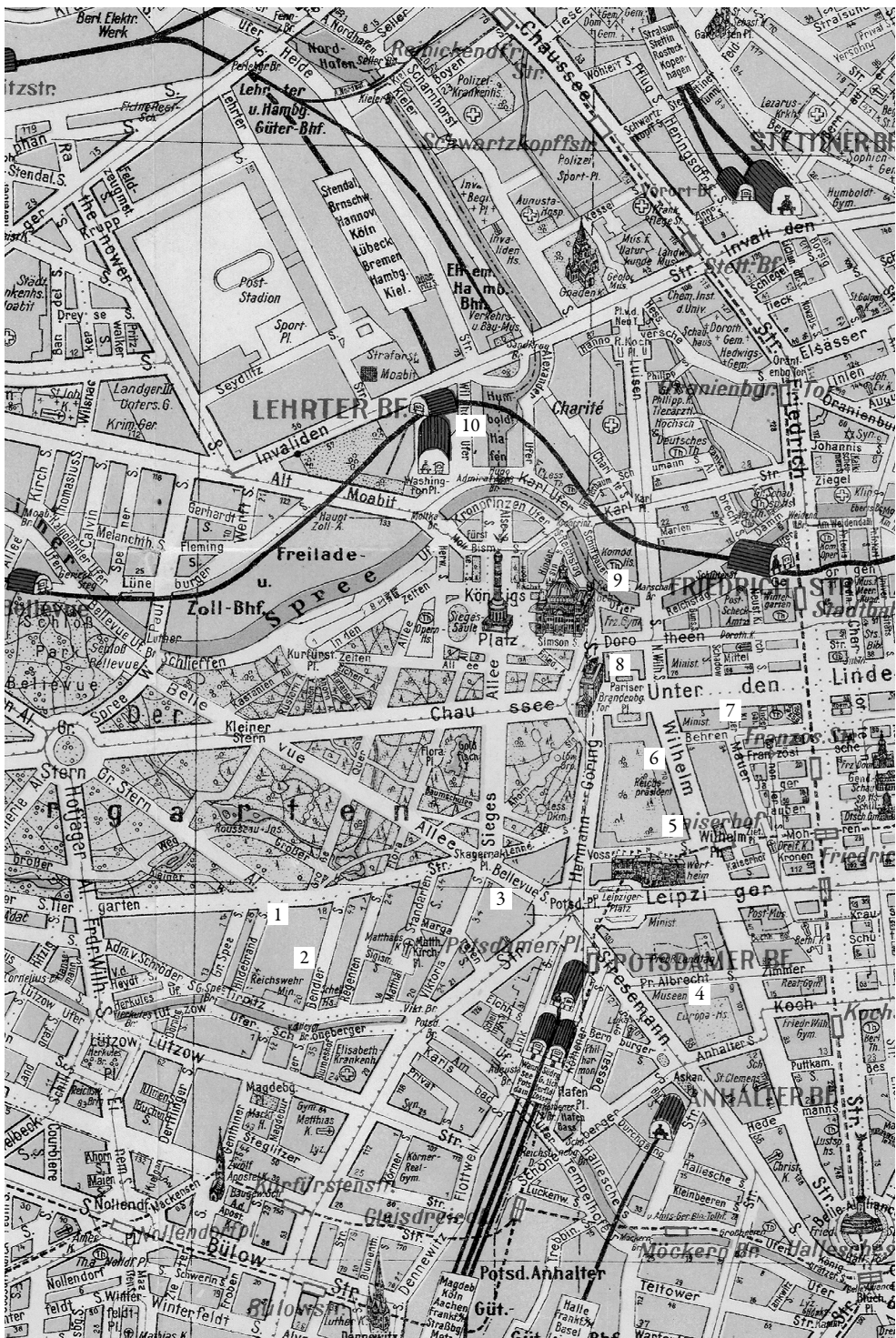
ГЛАВА 47	
«РАССТРЕЛЯТЬ, РАССТРЕЛЯТЬ!»	443
ГЛАВА 48	
ВЫСТРЕЛЫ В ПАРКЕ.....	451
ГЛАВА 49	
УБИТЫЕ.....	456
ГЛАВА 50	
«ВЫ ЕЩЕ ЖИВЫ?».....	464

ГЛАВА 51	
ПРОЗРЕНИЕ.....	468
ГЛАВА 52	
ЛОШАДИНОЕ СЧАСТЬЕ.....	480
ГЛАВА 53	
ДЖУЛЬЕТТА НОМЕР ДВА.....	491
ГЛАВА 54	
ГРЕЗЫ ЛЮБВИ.....	495
ГЛАВА 55	
ТЬМА СГУСТИЛАСЬ.....	508
ЭПИЛОГ	
СТРАННАЯ ПТИЦА В ИЗГНАНИИ.....	520
КОДА	
TABLE TALK.....	529
ИСТОЧНИКИ И БЛАГОДАРНОСТИ.....	531
ПРИМЕЧАНИЯ.....	543
БИБЛИОГРАФИЯ.....	602
ОБ АВТОРЕ.....	618

Тиргартен, 1933 г.

1. Тиргартенштрассе, 27А
2. «Бендлер-блок»; канцелярия посольства США
3. Отель «Эспланада»; консульство США
4. Штаб-квартира гестапо
5. Рейхсканцелярия
6. Министерство иностранных дел Германии
7. Посольство СССР в Германии
8. Посольства Франции и Великобритании в Германии; отель «Адлон»; Бранденбургские ворота
9. Рейхстар
10. Вокзал «Лертер»

PHARUS-PLAN BERLIN

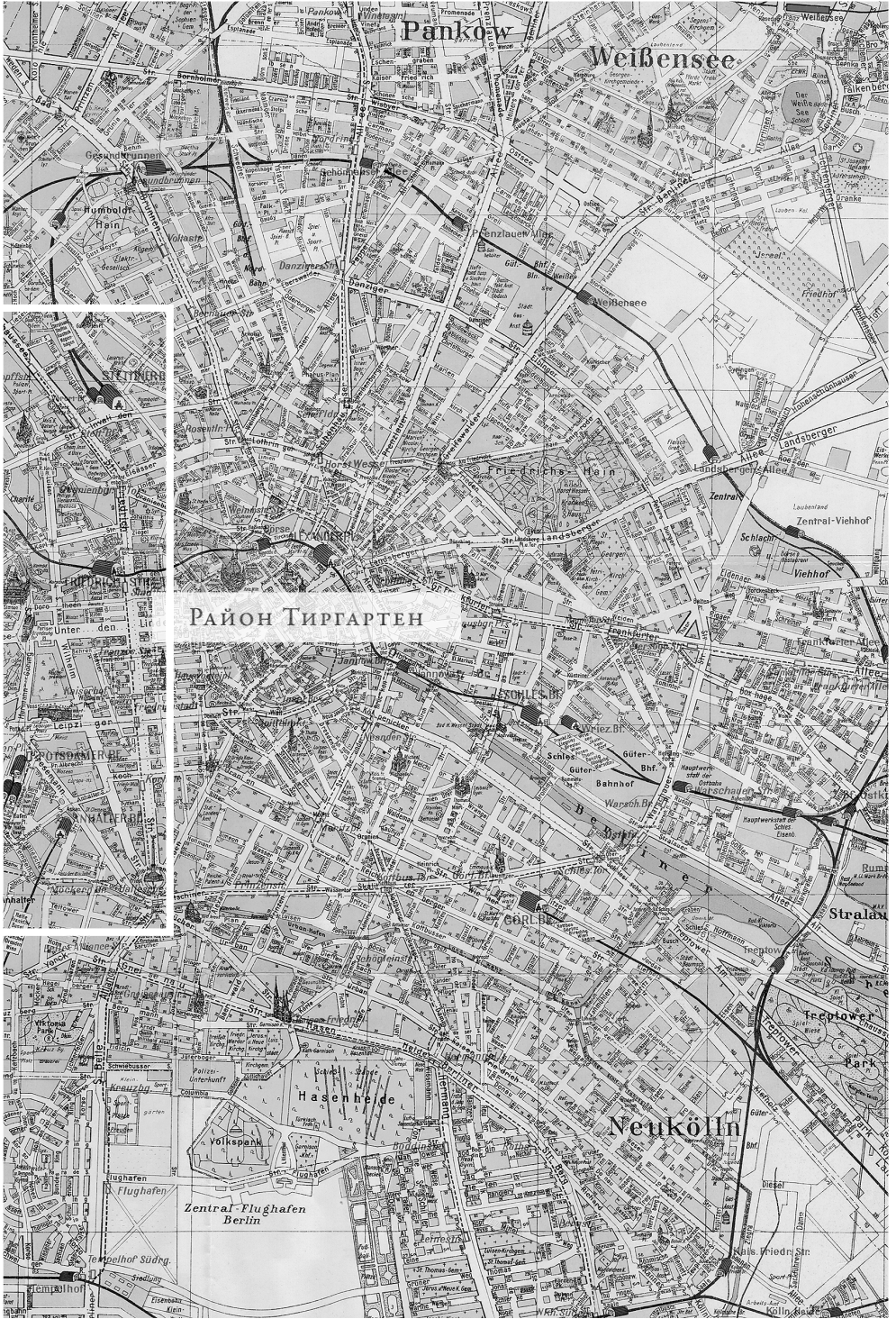
Kleine Ausgabe

(Ausschnitt aus dem großen Pharus-Plan von Berlin)
Bf. für Fernverkehr **S-Bf.** der S-Bahn (Stadtschnellbahn)
U-Bahn (U-ntergrundbahn) **Straßenbahn** ... **Autobus**
Straßenbahn und Autobus **Theater** **Frankenhäuser**
 Farbig angelegte Straßen sind für den Automobilverkehr gesperrt oder
 nicht gesperrt.

Maßstab 1 : 25 000

Gesamtlich geschützt. Nachahmung (auch teilweise) wird gerichtlich verfolgt.
 Pharus-Plan G. m. b. H. Berlin.

Pankow

Weißensee

РАЙОН ТИРГАРТЕН

Hasenheide

Neukölln

Zentral-Flughafen
Berlin

Friedrichs-Platz

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ.
*Божественная комедия**

* Пер. М. Лозинского.

DAS VORSPIEL

Vorspiel — 1) *муз.* прелюдия, вступление; увертюра; 2) *театр.* пролог (*пьесы*); 3) *перен.* пролог, начало, прелюдия; 4) *спорт.* предварительная игра, отборочное соревнование; 5) *муз.* исполнение, проигрывание (*в присутствии кого-либо*).

Большой немецко-русский
и русско-немецкий словарь
(<https://de-rus-de-big-dict.slovaronline.com/123137-Vorspiel>)

На заре чрезвычайно мрачной эпохи двое граждан США, отец и дочь, неожиданно покинули свой уютный дом в Чикаго и оказались в самом сердце гитлеровского Берлина. Они провели там четыре с половиной года. Но мы расскажем лишь о первом годе их пребывания в Германии, поскольку это был тот год, когда Гитлер совершал восхождение к вершинам могущества. Канцлер приобретал абсолютную власть и превращался в тирана. В то время все пребывало в неустойчивом равновесии; еще ничего не определилось окончательно. Тот первый год стал своего рода прологом, увертюрой, в которой впервые прозвучали все темы грядущего грандиозного эпоса

кровавой войны, всех тех событий, которым суждено было вскоре случиться.

Меня всегда интересовало, каково было постороннему человеку воочию наблюдать за тем, как сгущается мрак гитлеровского режима. Как выглядел город? Что мои герои видели, слышали, обоняли? Как дипломаты и другие иностранцы, оказавшиеся в столице Германии, воспринимали и объясняли происходящие события? Сегодня нам кажется, что на протяжении этого неопределенного, неустойчивого периода можно было с легкостью изменить ход истории. Почему же никто этого не сделал? Почему понадобилось так много времени, чтобы осознать реальную опасность, которую представлял Гитлер и его режим?

Как и большинство моих современников, я знакомился с той эпохой по книгам и фотографиям. У меня сложилось впечатление, что в тогдашнем мире не было цвета: лишь оттенки серого и черного. Однако оба моих героя столкнулись с действительностью того времени непосредственно, она предстала перед ними во плоти. При этом им приходилось выполнять рутинные служебные обязанности. Каждое утро они выходили в город, увешанный гигантскими красно-бело-черными полотнищами. Они сидели в тех же уличных кафе, что и поджарые эсэсовцы в черных кителях. Иногда они видели и самого Гитлера — тщедушного человечка в огромном открытом «мерседесе». При этом на балконах домов, мимо которых каждый день проходили мои герои, пышно цвела красная герань. Мои герои посещали гигантские берлинские универмаги. Они устраивали чаепития, они упивались весенним благоуханием Тиргартена — крупнейшего столичного парка. Геббельс и Геринг были их светскими знакомыми, с которыми они обедали, ужинали, танцевали, шутили... Но однажды, когда первый год их пребывания в стране подходил к концу, случилось

событие, которое оказалось одним из важнейших эпизодов, проливающих свет на истинный характер Гитлера. Это событие определило ход истории в следующее десятилетие. Для отца и дочери оно изменило все.

Перед вами документальное повествование. Как это принято, цитаты в кавычках — это выписки из писем, дневников, воспоминаний и других первоисточников. Работая над книгой, я не ставил себе целью написать очередной толстый исторический том о той эпохе. Я хотел написать камерную книгу, показать этот ушедший мир сквозь призму впечатлений и переживаний двух моих главных героев — отца и дочери, которые, прибыв в Берлин, начали свой путь открытий, внутренних изменений, а в конечном итоге — глубочайшего и жесточайшего разочарования.

В книге нет героических личностей, во всяком случае таких, как в фильме «Список Шиндлера». Но на ее страницах читатель увидит и проблески героизма, и неожиданные проявления благородства. В исторических документах всегда можно увидеть поразительные нюансы, тонкости, полутона. В этом и сложность работы над документальной прозой. Приходится откладывать в сторону факты, которые известны *сейчас*, и пытаться следовать за двумя обычными людьми по окружавшему их миру, показывая, как они воспринимали его *тогда*.

Это были непростые люди, и жили они в непростое время, когда скрытая ранее истинная сущность окружавших их чудовищ явилась в полной мере.

Эрик Ларсон,
Сизтл

1933

ЧЕЛОВЕК ЗА ШИРМОЙ

В том, что проживавшие в Германии американцы посещали консульство США в Берлине, не было ничего удивительного, но они приходили туда не в таком состоянии, как человек, явившийся в четверг 29 июня 1933 г.¹ Это был Джозеф Шахно, врач из Нью-Йорка. Ему исполнился 31 год. До недавнего времени он принимал пациентов в пригороде Берлина. Сейчас он раздетый стоял за ширмой в помещении для медосмотров. Оно располагалось на первом этаже консульства, и в обычные дни хирург, работавший в государственной системе здравоохранения, осматривал здесь намеревавшихся переселиться в Соединенные Штаты. С тела Шахно была почти полностью содрана кожа.

В кабинет вошли двое только что прибывших сотрудников консульства. Один из них был Джордж Мессерсмит (почти однофамилец немецкого авиаинженера Вильгельма Мессерсмитта), с 1930 г. занимавший пост генерального консула США в Германии. Будучи высокопоставленным представителем американского дипкорпуса, Мессерсмит руководил работой десяти консульств в разных городах страны. Рядом с ним

стоял вице-консул Реймонд Гейст. Как и подобает образцовому дипломату, он старался в любой ситуации сохранять спокойствие и невозмутимость. Но сейчас Мессерсмит видел, что Гейст очень бледен. Судя по всему, он был глубоко потрясен.

Состояние Шахно потрясло обоих дипломатов. «С головы до ног это был кусок живого мяса, — ужасался Мессерсмит. — Его стегали кнутами, избивали всевозможными способами, пока в буквальном смысле не содрали с него кожу, обнажив кровоточащую плоть. Стоило мне лишь взглянуть на него, как я был вынужден броситься к одной из раковин, над которыми консульский хирург обычно мыл руки»².

Как выяснил Мессерсмит, Шахно избили девять дней назад, но раны еще не зажили и были хорошо видны. «Даже девять дней спустя на теле были полосы от лопаток до колен: видимо, врача били и спереди, и сзади. Ягодицы были измочалены практически до мяса, и на значительных их участках по-прежнему не было кожи. Местами плоть представляла собой сплошное кровавое месиво»³.

Мессерсмит невольно задался вопросом: если раны выглядят так через девять дней, какими же они были сразу после избиения?

Постепенно начала вырисовываться следующая картина.

В ночь на 22 июня в дом Шахно вломились несколько человек в форме. Поводом стало анонимное обвинение врача в том, что он — потенциальный враг государства. Пришедшие обыскали дом и не нашли ничего подозрительного, но забрали Шахно и доставили его в свою контору. Там ему приказали раздеться, а потом двое мужчин долго и жестоко стегали его кнутами. После этого Шахно отпустили. Он сумел кое-как добраться до дома, а затем вместе с женой бежал в Берлин,

где в районе Митте* проживала ее мать. Неделю он пролежал в постели, а как только почувствовал, что может двигаться, пришел в консульство.

Мессерсмит распорядился отправить избитого в больницу и в тот же день выдал ему новый американский паспорт. Вскоре Шахно с женой бежали в Швецию, а оттуда перебрались в Америку.

Аресты и избиения американских граждан происходили с января — с тех пор как Гитлер был назначен канцлером. Но столь вопиющего случая еще не было, хотя тысячи немцев, родившихся в Германии, стали жертвами таких же, а зачастую и гораздо более суровых расправ. Для Мессерсмита это стало еще одним свидетельством того, насколько трудно стало жить при Гитлере. Он понимал: подобное насилие — не случайный проходящий приступ жестокости, а нечто большее. В Германии явно произошли фундаментальные перемены.

Он понимал это, но знал: мало кто в Америке разделяет его понимание. Его все больше тревожил тот факт, что мир было трудно убедить в реальных масштабах угрозы, которую представлял собой Гитлер. Генконсулу же было совершенно ясно: Гитлер тайно, но активно готовится к захватнической войне. «Жаль, что не удается донести это до наших соотечественников, живущих на родине, — писал он в Госдепартамент в июне 1933 г. — Мне кажется, они должны понять, что в сегодняшней Германии явно возвращается дух войны. Если правительство страны продержится у власти еще год и будет действовать в прежнем направлении и такими же темпами, как сегодня, оно многое сделает для того, чтобы превратить Германию в реальную угрозу миру на планете на много лет вперед»⁴.

* Митте (от нем. Mitte — центр) — центральный район Берлина. — *Прим. ред.*

Далее он писал: «Почти все руководители страны за немногими исключениями разделяют мировоззрение, которое не понять ни вам, ни мне. Некоторые из них — явные психопаты, и в нормальных обстоятельствах они лечились бы в клинике».

Между тем в Германии не было постоянного представителя США. Предыдущий посол, Фредерик Сакетт, отбыл из страны в марте, вскоре после инаугурации Франклина Делано Рузвельта (в 1933 г. президент официально вступил в должность 4 марта)⁵. Вот уже почти четыре месяца пост постоянного представителя оставался вакантным. Предполагалось, что новый посол прибудет не раньше чем через три недели. Мессерсмит не был с ним знаком лично и в суждениях опирался лишь на услышанное от своих многочисленных источников в Госдепартаменте. Но он знал, что новому послу придется сразу погрузиться в кипящий котел жестокости, коррупции, фанатизма и что это должен быть достаточно волевой человек, способный отстаивать интересы США в Берлине и демонстрировать могущество своей страны, — ведь Гитлер и его подручные понимали только язык силы.

Однако про нового посла говорили, что это человек неприязнительный, без особых амбиций, поклявшийся жить в Берлине скромно, — в знак солидарности с согражданами, обнищавшими во время Великой депрессии. Поразительный факт: чтобы подчеркнуть свою бережливость, новый посол даже вез в Берлин свой издававший виды «шевроле»⁶. Он вез его в город, где приближенные Гитлера разъезжали на громадных черных туристских автомобилях*.

* Туристские автомобили изначально предназначались для поездок на большие расстояния (как увеселительные, так и деловые). В описываемое время часто имели откидной верх. — *Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, прим. пер.*

ЧАСТЬ I
НА ПУТИ В СУМРАЧНЫЙ ЛЕС

Додды прибывают в Гамбург

Источник: Library of Congress

ГЛАВА 1

СПАСИТЕЛЬНАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Телефонный звонок, навсегда изменивший жизнь семьи Додд из Чикаго, раздался в четверг, 8 июня 1933 г., ровно в полдень¹. Телефон зазвонил, когда Уильям Додд сидел за своим рабочим столом в Чикагском университете.

Он был деканом исторического факультета, а преподавал в университете с 1909 г. В США он получил признание как специалист по истории американского Юга и автор биографии президента Вудро Вильсона. Это был сухопарый человек 64 лет, ростом чуть выше 170 см, с серо-голубыми глазами и светло-каштановыми волосами. Хотя его лицо даже в состоянии покоя хранило суровое выражение, он обладал живым, пусть и несколько едким, чувством юмора. Его жену Марту все называли Матти. У Доддов было двое детей: дочери, которую, как и мать, звали Марта, исполнилось 24 года, сыну Биллу (Уильяму-младшему) — 28 лет.

Это была во всех отношениях счастливая, дружная семья, не сказать чтобы богатая, но вполне обеспеченная, несмотря на экономический спад, охвативший тогда страну. Додды проживали в большом доме номер 5757 по Блэкстоун-авеню, недалеко от чикагского Гайд-парка, в нескольких кварталах

от университета. У Додда также была маленькая ферма близ городка Раунд-Хилл (штат Вирджиния), на которой он возился каждое лето². Согласно описям графства, ее площадь составляла около 160 га. Именно на ней Додд, типичный демократ джефферсоновского толка*, в окружении 21 телки гернзейской породы, четырех выхолощенных жеребцов (Билла, Коули, Менди и Принца), трактора Farmall и конных плугов Sucassee чувствовал себя наиболее привольно. На старой дровяной плите он варил себе кофе из жестяной банки Maxwell House. Правда, его жене на ферме нравилось гораздо меньше. Она с готовностью предоставляла мужу возможность пожить там одному, а прочие члены семьи оставались в Чикаго. Додд назвал ферму «Стоунли» (на полях было разбросано множество камней)** и рассказывал о ней в выражениях, в каких другие мужчины говорят о своей первой возлюбленной. «Яблоки у нас прекрасны, почти безупречны, ветви яблонь сгибаются под тяжестью сочных красных плодов, — писал он как-то погожим вечером в пору уборки урожая. — Все это мне очень по душе»³.

Обычно Додд не использовал расхожие сравнения, но о том телефонном звонке всегда говорил, что он раздался «как гром среди ясного неба»⁴. Впрочем, он немного сгущал краски. Друзья уже несколько месяцев твердили ему, что однажды такой звонок раздастся. Додда удивили (и встревожили) некоторые особенности этого звонка, его, если можно так выразиться, характер.

* Томас Джефферсон (1743–1826) — один из отцов-основателей США и авторов Декларации независимости, третий президент страны (1801–1809). С увлечением управлял унаследованной от отца крупной фермой.

** Stone (англ.) — камень.

С некоторых пор Додда перестало устраивать положение, занимаемое им в университете. Ему нравилось преподавать историю, но еще больше он любил писать. Вот уже несколько лет он работал над научным трудом, который, как рассчитывал, должен был стать исчерпывающим повествованием о первом периоде истории американского Юга. Предполагаемый четырехтомник он назвал «Расцвет и закат Старого Юга». Но снова и снова Додд замечал, что рутинные преподавательские обязанности мешают ему продвигаться в работе над книгой. Ближился к завершению лишь первый том, а Додд уже был в том возрасте, когда следовало опасаться, что его так и похоронят вместе с неоконченными набросками остальных трех томов. Он договорился с руководством факультета о сокращенном графике работы. Однако, как это часто бывает с такого рода неформальными соглашениями, получилось не так, как он надеялся. Увольнения коллег и финансовые трудности, переживаемые университетом (и то и другое было вызвано Великой депрессией), вынуждали Додда трудиться в учебном заведении так же напряженно, как и прежде, ублажая университетскую администрацию, готовясь к лекциям, выполняя бесчисленные просьбы аспирантов. В письме в хозяйственное управление университета от 31 октября 1932 г. он умолял, чтобы в его кабинете по воскресеньям не отключали отопление⁵, чтобы он мог хотя бы один день в неделю посвящать своему историческому труду, не отвлекаясь на другие дела. Одному из друзей он признавался, что оказался в затруднительном положении⁶.

Его недовольство усугублялось убежденностью в том, что ему давно пора было бы занимать более высокую ступень карьерной лестницы. Стремительному продвижению по службе, как Додд жаловался жене, мешало то обстоятельство, что он не принадлежал к привилегированному сословию, а потому

ему всего приходилось добиваться самостоятельно, упорным трудом, в отличие от многих коллег, которые делали карьеру быстрее. Действительно, ему нелегко далось его место в жизни. Он появился на свет 21 октября 1869 г. в родительском доме, расположенном в крошечном городке Клейтоне (штат Северная Каролина), в семье представителей низшего сословия белого Юга, где еще были живы классовые предрассудки довоенной эпохи*. Его отец, Джон Додд, был малограмотным фермером и вел, по сути, натуральное хозяйство. Мать, Эвелин Крич, происходила из семьи несколько более уважаемых членов общества Северной Каролины и считала свой брак неравным: по ее мнению, она вышла замуж за простоядина. Чета выращивала хлопок на земле, выделенной отцом Эвелин, и едва сводила концы с концами. После войны Севера и Юга, когда производство хлопка начало быстро расти, а цены, соответственно, падать, семья все больше влезала в долги, делая покупки в местном универсальном магазине, принадлежавшем родственнику Эвелин, одному из трех привилегированных жителей Клейтона, «суровых мужчин», как называл их Додд, «торговцев, аристократов, полновластных хозяев тех, кто от них зависел»⁷.

Додд был одним из семерых детей в семье. Юность он провел, трудясь на семейной земле. Он не считал это занятие зазорным, но не собирался заниматься сельским хозяйством до конца своих дней. Он понимал, что единственная возможность для человека столь низкого происхождения избежать этой участи — получить образование. Он прилагал огромные усилия, чтобы пробиться выше, временами настолько погружаясь в учебу, что товарищи прозвали его монахом⁸. В феврале 1891 г. Додд поступил в Сельскохозяйственный и механический колледж Вирджинии (позже получивший

* Имеется в виду эпоха до войны Севера и Юга (1861–1865).

название Политехнического университета Вирджинии). Там он тоже завоевал репутацию здравомыслящего, полностью поглощенного учебой молодого человека. Другие студенты вечно предавались всяким забавам — скажем, красили корову президента колледжа или якобы устраивали дуэли, а потом убеждали легковерных первокурсников, что один из дуэлянтов убит наповал⁹. А Додд только учился. В 1895 г. он получил степень бакалавра, в 1897 г. — магистра. Ему было 27 лет.

Поощряемый одним из уважаемых преподавателей университета и поддерживаемый кредитом, предоставленным добрым двоюродным дедом, в июне 1897 г. Додд отправился в Германию. Он планировал получить степень доктора в Лейпцигском университете. С собой он захватил велосипед. Он решил, что его диссертация будет посвящена Томасу Джефферсону. Несмотря на очевидные трудности (в Германии было непросто добыть американские документы XVIII в.), Додд выполнял все задания, входившие в университетскую программу, и в Лондоне и Берлине находил архивы, где хранились необходимые для диссертации материалы. Помимо этого, он много путешествовал (часто на велосипеде). Его каждый раз поражала атмосфера милитаризма, царившая в Германии. Как-то раз один из его любимых преподавателей даже устроил на занятиях дискуссию на тему «Насколько беспомощными окажутся Соединенные Штаты, если туда вторгнется великая немецкая армия?»¹⁰. Эта прусская воинственность тревожила Додда. Он писал: «Здесь повсюду слишком сильно ощущается дух войны»¹¹.

Поздней осенью 1899 г. Додд вернулся в Северную Каролину и после нескольких месяцев поисков наконец получил место преподавателя в колледже Рэндольфа и Мейкона*

* Джон Рэндольф (1773–1833) и Натаниэль Мейкон (1757–1837) — американские политические деятели консервативного толка.

в вирджинском городке Эшланд¹². Тогда же он возобновил дружбу с девушкой — с Мартой Джонс, дочерью обеспеченного землевладельца, проживавшего недалеко от родного городка Додда. Эта дружба вскоре приобрела романтический характер, и в канун Рождества 1901 г. молодые люди поженились.

В колледже Рэндольфа и Мейкона у нового преподавателя скоро начались неприятности. В 1902 г. он опубликовал в журнале *The Nation* статью с критикой успешной кампании, организованной так называемым Великим лагерем ветеранов Конфедерации с целью заставить власти Вирджинии запретить один учебник истории, который, по мнению ветеранов, оскорблял чувства южан. Как писал Додд, по их мнению, публиковать следовало лишь те исторические труды, в которых утверждалось, что Юг «правильно сделал, отделившись от Союза*».

Реакция последовала незамедлительно. Один адвокат, игравший заметную роль в ветеранском движении, организовал публичные нападки на Додда, чтобы добиться его увольнения из колледжа. Но руководство учебного заведения твердо выступило в его защиту и оказало ему всестороннюю поддержку. Год спустя Додд снова обрушился с критикой на ветеранов Конфедерации, на этот раз выступая в Американском историческом обществе. Он порицал их стремление «изъять из учебных заведений решительно все книги, не согласующиеся с канонами местного патриотизма» и гневно заявлял, что в такой ситуации «мужественный и честный человек не должен молчать».

* Союз — федерация 24 штатов, в ходе войны Севера и Юга противостоявших южным штатам Конфедерации. В Союз входили не только северные штаты, но и некоторые западные (Калифорния, Орегон, Невада, а также несколько штатов Среднего Запада).